

Фольклористика

УДК 398.33(=512.151)

Н.Р. Ойноткинова

ПОЭТИКА И ПРАГМАТИКА ЖАНРОВ ПОХОРОННОЙ ОБРЯДНОСТИ АЛТАЙЦЕВ

Статья посвящена поэтике и прагматике жанров *сыгыт* (*ыг*) ‘причитание’ и *кереес сӧс* ‘памятное слово’ в похоронной обрядности тюрков Южной Сибири (телеутов, чалканцев, алтайцев). Материалом исследования послужили тексты, записанные в начале и конце XX в. у разных диалектных групп алтайцев. Поставленная научная проблема связана с выделением жанров похоронно-поминальной обрядности алтайцев, а также с изучением концептуальной семантики этих текстов. Жанр *сыгыт* выполняет эмотивно-оценочную функцию: он исполняется для выражения скорби, тяжести утраты близкого человека. Для плачей, записанных еще в начале XX в. характерна развитая система метафор, выполняющих функции образности и иносказательности. В причитаниях, построенных в форме диалога оплакивающего с умершим, риторические вопросы позволяют выразить сожаление, скорбь по ушедшему в иной мир. Ключевыми мотивами плачей являются дорога в иной мир, необрачность жизни. Другому жанру *кереес сӧс* свойственна оценка человеческих достоинств усопшего, выражение сочувствия его семье. Содержащиеся в них краткие формулы-благодарения произносятся в заклинательных целях – для закрытия дороги души умершего в мир живых.

Ключевые слова: алтайцы, поэтика и прагматика фольклора, жанр плача у алтайцев причитание, похоронная обрядность.

DOI: 10.35634/2412-9534-2019-29-6-1081-1087

О существовании жанра плача у тюркских народов известно с древнетюркского времени, о чем свидетельствует Большая надпись Стеллы Кюль-тегина – сопровителя Второго тюркского каганата. В эпитафии Кюль-тегину, памятнику письменности тюрков, созданному в VIII в., сказано: *Kültegin qoi jilda jeti jegirmikā ucdi toquzune aj jeti oruzda joŷ ertürtimiz* «Кюль-тегин умер (букв. улетел) в год овцы, в семнадцатый день, в девятый месяц, в двадцать седьмой день мы устроили поминки» [17. С. 269]. Похоронные обрядовые песни в казахском фольклоре называются *жоқтау*, *сыңсу*, *кошок*, *коштасу*, узбекском – *йиги* (*yigʻi*), в староузбекском – *siqit* (*сиқит*) ‘боль’, ‘печаль’, ‘грусть’, киргизском – *ыйлоо*, *ый*, *коштошуу*; татарском – *елау*, хакасском и шорском – *сыыт*, алтайском и телеутском – *сыгыт*. Эти термины произошли от древнетюркских глагольных основ *joŷla*= ‘устраивать поминки, оплакивать’, *ïyla*= ‘плакать’ и *siyta*= ‘плакать, рыдать’ [17. С. 270; 218; 503].

Этнографические сведения о похоронных традициях алтайцев содержатся в трудах первых исследователей Горного Алтая: Н.М. Ядринцева [26], В.И. Вербицкого [10], В.В. Радлова [18]. В.В. Радлов писал: «Алтайцы обычно погребают своих мертвых в земле, в укрытых местах, на горах. Покойника кладут в гроб в полном одеянии, и, кроме того, ему дают еще на дорогу мешочек с едой. Богатым людям полагается похоронить рядом с мертвецом и верховую лошадь. Захоронение на помосте, покоящемся на четырех сваях, встречается на Алтае, очевидно лишь в немногих местах. Только после того как покойник похоронен, родные и соседи должны собраться в его юрте, и устраивается пир. После этого торжества оставшиеся родные призывают шамана, чтобы очистить юрту, и переносят ее затем на другое место. Корьевые юрты и юрты, сооруженные из бревен, после смерти одного из членов семьи остаются пустыми, а семья строит себе новую юрту в другом месте» [18. С. 180]. Обряды, сохранившиеся в похоронно-поминальной обрядности современных алтайцев, изучали Н.П. Дыренкова [12], Н.И. Шатинова [25], Н.А. Тадина [20-21], Н.О. Тадышева [22], В.А. Клешев [15] и др. В шаманском сознании алтайцев, как писал А.В. Анохин, смерть наступает по двум причинам: «Смерть, причиненная алчностью Эрлика, считается неестественной и преждевременной; от нее есть возможность избавиться приношением жертв Эрлику. Вторая смерть считается predeterminedной судом, и избавиться от нее нет никакой возможности». Смерть наступает после прекращения дыхания *тын*: «В момент смерти *сӱне* отделяется от тела человека и принимает вид прозрачного пара «сӱнезинин *узӱдӱ*» [1. С. 20]. Неестественная смерть может наступить по разным причинам: из-за болезни, несчастного случая, убийства (самоубийства) и т. д.

Для похоронной обрядности алтайцев, являющейся самой строгой и консервативной частью традиционной культуры, характерны жанры, имеющие ритмическую (поэтическую) и ритмико-мелодическую природу. Эти два основных речевых жанра: *сыгыт* (*ыг* – чалк.) ‘плач’, или ‘причитание’ и *кереес сӧс* ‘памятное слово’. В начале XX в., в 1913 г. по просьбе А.В. Анохина у телеутов плачи (более 40 текстов) записал Роман Хлопотин [3]. Во второй половине 1930-х гг. сыгыты записывались известным этнографом и лингвистом Н.П. Дыренковой [3]. Эти тексты интересны с точки зрения их поэтики, лексической образности. С.С. Суразаков также отмечал, что исполнение *сыгыт* свойственно культуре бачатских телеутов. В.П. Дьяконова писала, что ритуальное оплакивание сыгыт было известно также улаганским теленгитам и телесам [13. С. 54]. Плачи чалканцев записала Е.П. Кандаракова [1999]. Телеутские плачи также были собраны и опубликованы Д.А. Функом [24. С. 258–269, 23] и подробная их характеристика дана в его статье «Причеть (сыгыт) у бачатских телеутов» [24. С. 243–269].

Цель данной статьи – рассмотреть поэтические жанровые особенности жанров *сыгыт* и *кереес сӧс* в фольклоре алтайцев. Поставленная научная проблема связана с выделением жанров похоронно-поминальной обрядности алтайцев, а также с изучением концептуальной семантики этих текстов.

1. Жанр сыгыт ‘причитание’. У тюркских народов Южной Сибири, алтайцев, хакасов и др., в прошлом существовал обычай приглашать в дом усопшего сказителя (*кайчы*, *хайджи*), который с наступлением темноты и в течение всей ночи исполнял героические сказания (*алыптыг ныхах*) в сопровождении музыкального инструмента – *топиура* или *чатхана*. А.А. Асиновская пишет, что эпос связывался у хакасов с похоронной обрядностью, так как он включал в себя и произведения других жанров: оплакивание умершего (причеть), заклинания [7. С. 332]. По сведениям Д.А. Функа, тексты сыгытов, и традиционные, и импровизации исполняются на единый, всем хорошо известный напев [24. С. 243].

Как фольклорный жанр *сыгыт* фиксировался до недавнего времени у разных диалектных групп алтайцев: телеутов, чалканцев, теленгитов, алтай-кижи. В советский период в связи с трансформацией элементов похоронной обрядности под влиянием традиции похоронных обрядов русских этот жанр был почти забыт. Плачи не исполняются вне обрядовой ситуации, поэтому их фиксация крайне трудна, поэтому имеющиеся записи единичны. Имеющиеся в архивах записи телеутских и чалканских плачей были сделаны вне обряда.

Эти вербальные тексты выражают человеческие эмоции, скорбь, печаль по умершему, в них сконцентрированы представления о жизни и смерти. Исполнение *сыгыта* в обряде похорон обязательно, так как считалось, что этим «просветляли ухо» (*кулагын жарыдар*), демонстрировали горечь утраты, любовь к человеку. Причитания, как правило, исполнялись близкими родственниками умершего (мужем, женой, матерью, отцом), которые имели навыки устного исполнения фольклорных произведений, знали фольклорный язык. *Сыгыт* не исполняют лишь в случае смерти младенца, не достигшего года. Кому посвящен плач обычно указывается в тексте вокативными конструкциями и терминами родства. Плачи у алтайцев исполнялись в доме возле гроба, где лежит покойный, т. е. до выноса тела из дома, а также при выносе умершего из дома или при его погребении, т. е. во время самых важных обрядовых действий. У казахов песни-плачи (*жоқтау*) сопровождают похоронный обряд вплоть до годовых поминок дважды в день – при восходе и заходе солнца. Это время исполнения объясняется тем, что восход и заход олицетворяют время «рождения» и «умирания» дня [8].

Классические образцы алтайских причитаний построены по принципу синтаксического параллелизма с равным количеством стихов в каждой из них, что обусловлено ритмизацией при исполнении. Как правило, каждая строфа состоит от четырех до восьми стихов. Синтаксический параллелизм служит для создания образности стихотворного произведения, формирует ассоциативный фон, служащий для выражения смыслов. Основной мотив телеутских причитаний – уход человека в другой мир. Традиционным элементом плачей является риторический вопрос о причине смерти, почему умерший покидает своих родных, особенно если человек умер в молодом возрасте: *Палам, палам, / Меня кеме артыс салдын, / Палам, палам* [4]. ‘Ребенок, мой ребенок, / Меня кому оставил ты, / Ребенок, мой ребенок’.

Некоторые плачи представляют собой «диалог» оплакивающего с умершим, поэтому в текстах много риторических вопросительных предложений. Мотив ухода человек в иной мир в текстах выражается вопросом – куда? (кажы, кайда?). *Казым кажы учазын, / Канадын төзүн жел толгон? / Каураным кажы баразын, / Колын, чачын салынын?* [3]. ‘Гусь мой, куда летишь, / Основание крыльев своих поджав? / Дорогая моя, куда уходишь, / Руки, волосы сложив?’. Дорога, по которой провожда-

ют умершего человека, изображается как трудная, слезная, дальняя, неизвестная. Это дорога в одни конец, откуда не возвращаются. *Көрүмтүлү көк чечек, / Күн тийбес жерге чык жазын, / Көкшүн балазы көргөнүм / Көрүшпес жерге пар жазын* [3]. ‘Прекрасный синий цветок, / На землю, где солнце не светит, ты выходишь, / У старца ребёнка я видел, / В землю, где не видятся, ты уходишь’.

По представлениям телеутов, душа после смерти становится серой, а причиной смерти человека является посланники злого духа (*айна*) или души умершего родственника (*кёрмёса*): *Айастан куру түшпезе, / Ак өлгөн неге кугарзын, / Айнадан элчи жетпезе, / Алганым неге кор болзын* [2]. ‘Если бы с неба иней не выпал, / Белая трава серой не стала. / Если бы гонец от *айна* не прибыл, / Взятая мною в жены серой не стала’. Плачущий задаёт себе разные вопросы, имеющие философский характер: как выглядит мир мёртвых, есть ли там свет, солнце: *Куумнун учкан көлүнде, / Кумактуда жеми бар мин? / Көркүмнин барган жеринде, / Күнүн жаркыны бар мин?* [3]. ‘В озере, где лебедь мой летал, / На песке пища для него есть ли? На земле, куда милая моя ушла, / Солнца лучи есть ли?’

Необратимость произошедшего, сожаление о том, что нельзя вернуть человека в этот мир, порой приводит к мысли о том, что человек незащищён, светлые божества не покровительствуют ему, не слышат мольбу о выздоровлении умирающего. *Жабага тайды тутпады, / Жабызан полды чуланым, / Жайнаганым көрбөди, / Жайучым пийик болыптыр. / Кунани тайды тутпады, / Кымырык болды чуланым, / Кунуканым кынбады, / Кудайым бийик болыптыр* [3]. ‘Годовалого жеребенка не удержал, / Низким оказался чулан мой. / На мольбу мою не посмотрел, / Дьбайучы (букв. Создатель) мой высоко оказался. / Жеребенка-двухлетку не удержал, / Шатким оказался мой чулан. / На печаль мою не поглядел, / Кудай мой высоко оказался’. Земля, куда зарывают гроб, глубокая, она образно ассоциируется с глубоким дном океана, где плавают рыбы: *Жартычак чабак кемирчек, / Жайканза – тенгис түбүндө, / Жайнап өлгөн алганым / Жайканза – жеридин алдында. / Тулкучак чабак кемирчек, / Туйлаза – тенгис түбүндө, / Туттуруп өлгөн алганым / Туйлаза – жердин алдында* [3]. ‘Сорога-рыба, которую лучат, кусая, / Перевернётся – на дне океана. / С мольбой умершая жена моя / Перевернётся – под землёй. / Сорога-рыба округлая, кусая, / Испугается – на дне океана. / Убитая [врагом] умершая жена моя / Испугается – под землёй’.

Для поэтики телеутских плачей характерны зооморфные и орнитоморфные метафоры. Метафоризацию текста в похоронных причитаниях принято обосновывать человеческим страхом перед смертью, верованиями в особую магическую силу слов, означающих что-либо опасное, несчастное. Метафора в причитаниях, по мнению Н.М. Герасимовой, служит своего рода оберегом [11. С. 134]. Выявленные метафоры и образные сравнения в алтайских текстах выполняют оценочную функцию: в них воспеваются достоинства умершего, изливаются семейное горе, тяжесть утраты. Так, в телеутском плаче муж сравнивает умершую жену с крылатым конем – тулпаром, птицей, лебедью, гусем: *Жал-куйругын жайлып, / Жашиы адым кани бар жазын? / Жардында чачын салынып, / Жажым кани бар жазын? / <...> / Куум кажы жалбийзын, / Куркунун төзүн жел буруп? / Көргөнүм кажы паразын, / Көксүндө чачын салынып?* [2]. ‘Гриву-хвост распустив, / Хороший конь мой куда идёшь? / По спине волосы распустив, / Ласковая моя куда уходишь? / <...> / Лебедь мой куда машешь, / Основание крыльев своих поджав? / Ненаглядная куда уходишь, / На грудь волосы свои положив?’, *Көзүм артайтан туры, балам, / Каным шүүлетен туры, балам, / Канадым сынды, балам...* [2]. ‘Глаза станут портиться, дитя мое, / Стану худеть [уменьшится кровь], дитя мое, / Крылья мои обломились, дитя мое’, *Колумда болгон тужунда, / Коот болгон жарыкта, / Коштой баскан тужунда, / Канат болгонзын, көргөнүм* [4]. ‘Если из березы трость я сделаю, / Как камышовая трость будет ли она? / Если снова семью обрету, / Как ты милая, [жена] будет ли?’.

Образно-метафорическое отождествление умершего (жены, ребенка) с крыльями птицы или тростью включает в себя глубокий символический смысл: умерший был моральной поддержкой, опорой семьи. «Мени по паларынгле кеме артыстын? / Эме кем маа положор? / Кем маа тайак болор? / Кем маа жедек болор?» [5] ‘На кого ты покинул меня с детьми? / Кто теперь мне поможет? / Кто будет мне опорой, / Кто будет меня вести по жизни?’. Оплакивающий жену муж сравнивает себя с коромыслом, с согнувшимся деревом: *Кайран сененг кал жадым, / Карамыс чылап пүктелип* [3]. ‘Без тебя милая я остаюсь, / Как коромысло, согнувшись’, *Паалу сененг кал жадым, / Пагыр агаштып пүктелип* [3]. ‘Без тебя дорогая я остаюсь, / Как плакучее дерево нагнувшись’. Умершего в несовершеннолетнем возрасте мальчика сравнивают с голубем, такое сравнение связано с мыслью о перевоплощении его души в голубя: *Кудайдын күүле кужы болуп, кайа-ташта өзөтөн турун* [6]. ‘Бога голубем-птицей став, в скале-камне расти будешь, оказывается’, *Жарык күнге жорвосто, / Жуге тугдын, балам?* [5]. ‘Если под ярким Солнцем не ходить, / Зачем родился, ребёнок мой?’

В современных плачах, записанных у южных алтайцев, наблюдается отсутствие образных параллелизмов и метафор, характерных для классических образцов причитаний-*сыгыт*.

У современных алтайцев бытует мнение, что нельзя много оплакивать умершего, иначе ему будет трудно «уйти на тот свет». Слезы, пролитые над ним, это лишние препятствия на его дороге. Сдерживание эмоций на похоронах проявляется там, где люди стараются подходить к смерти осознанно, объясняя уход человека какими-нибудь религиозными верованиями. Т.Г. Борджанова пишет, что особенностью песен-плачей, сочиненных представителями рода, является развитая символика, которая в некоторой степени заглушает эмоциональность, ибо открытое выражение горя, исповедовавших буддизм, не поддерживалось» [9. С. 276]. Аналогичное ритуальное поведение наблюдается в мусульманской традиции. По сведениям А. А. Мусагажиновой, служители культа запрещают громко плакать, причитать, объясняя это тем, что слезами и плачем люди мешают душе обрести покой, и что на все воля божья, и никто не сможет ей противостоять. Шариат не одобряет оплакивание умершего, хотя и не запрещает этого. Запрещается только это делать громко [16. С. 196].

2. Жанр *кереес сӧс* ‘памятное слово’. На похоронах у алтайцев обязательно говорят речь об умершем – *кереес сӧс* ‘памятное слово’ (*кереес* ‘завещание заветного, доставшегося после кого-нибудь и хранимый на память’ [19. С. 173]). Эти речевые тексты поэтически структурированы. Для похоронно-поминального дискурса характерно выражение заслуг покойного перед обществом, родом, семьей. Из текста в текст повторяется образ земли-матери, на которой человек рождается и умирает. Алтайцы образно представляют умершего спящим в земле-матери, желают, чтоб земля для него была мягкой: <...>*Жер энен азараган, / Жер энен койдонып жат. / Жамандап биске ачынба, / Жаткан жерин жумдый жымжак, / Жазап амырап уйукта.* <...> [5. С. 85]. ‘Мать-земля твоя вскормила, / Мать-земля забирает к себе. / Плохо говоря о нас, на нас не сердись, / Место, где ты лежишь, пусть будет, как пух, мягким, / Хорошенько отдохни, спи’.

Прощаясь с умершим, люди дают оценку пройденного им пути, его достоинств; как правило, он сопровождается благопожеланием не возвращаться в свой дом, не тревожить свою семью. Приведем отрывок из концовки похоронной речи: *Тӧжӧнгӧн тӧжӧгин жум болгой, / Тӧжӧнгӧн тӧжӧгин жум болгой. / Жер-энен јуктенип, азыраган, / Жер-энен јуктенип, азыраган, / Жер-энен койдонып жат, / Жер-энен койдонып жат, / Агару сӱнен Алтай сынында, / Агару сӱнен Алтай сынында. / Ару кейле јӱрген, / Ару кейле јӱрген, / Биске јаман сананба, / Биске јаман сананба, / Албаты сени ундыбас, / Албаты сени ундыбас. / Атту барган – јанар, / Атту барган – јанар. / Агашту барган – јанбас, / Агашту барган – јанбас* [5. С. 85]. ‘Постель под тобой пусть будет пухом, / Постель под тобой пусть будет пухом. / Земля-мать, забрав тебя на спину, вскормила. / Земля-мать, забрав тебя на спину, вскормила, / Мать-земля тебя с собой укладывает, / Мать-земля тебя с собой укладывает, / Святая твоя душа на хребте Алтая, / Святая твоя душа на хребте Алтая. / На чистом воздухе жила, / На чистом воздухе жила, / О нас плохо не думай, / О нас плохо не думай. / Народ тебя не забудет, / О нас плохо не думай. / На коне уехавший – вернётся, / На коне уехавший – вернётся. / На дереве ушедший – не вернётся, / На дереве ушедший – не вернётся’. То есть живой человек, уехавший на коне вернется домой, а умерший, лежащий в гробу, не вернется. Последние строки являются ключевыми: они как бы закрывают обратный путь души умершего в мир живых.

Такие формульные выражения несут в себе заклиательный смысл. Основная цель произнесения кратких заговоров – это отделение мира живых от мира мертвых. Такие заговоры-благопожелания имеются в жанровой системе похоронной обрядности калмыков. Как отмечает Т.Г. Борджанова, произносимые старейшими рода или семьи такие краткие заговоры-благопожелания эмоциональны, они могут оказать магическое воздействие на покойного [9. С. 285].

Таким образом, для похоронно-поминальной обрядности тюрков Южной Сибири характерны два речевых жанра: *сыгыт* ‘плач, причет’ и жанр *кереес сӧс* ‘последнего слова’. Классические образцы алтайских причитаний построены по принципу синтаксического параллелизма с равным количеством стихов в каждом из них. Аллитерация, или начальное созвучие, является одним из основных выразительных средств языка, алтайских причитаний. Жанры *сыгыт* и *кереес сӧс* выполняют эмоционально-оценочную функцию: в них воспеваются достоинства умершего, изливается семейное горе, тяжесть утраты. Основной чертой мифопоэтики причитаний-*сыгыт* является использование образного параллелизма и метафор. Метафоры с зооморфными и орнитоморфными образами в текстах похоронно-поминальной обрядности выполняют не только художественно-изобразительную, но и эмоционально-оценочную функцию. Для телеутских плачей, записанных в начале XX в., в отличие от совре-

менных текстов, свойственна высокая степень образности, передающая психологизм их семантики. В современных причитаниях метафоризация не является основным поэтическим приемом. Ключевыми являются мотивы дороги-ухода в иной мир, необратимости жизни. В причитаниях, построенных в форме диалога оплакивающего с умершим, риторические вопросы позволяют выразить сожаление, скорбь по ушедшему в иной мир. Жанр *kerеes сӧс* 'памятное слово', помимо эмотивно-оценочной функции, также несет в себе заклинительно-охранительную функцию: с одной стороны, в этих текстах выражается скорбь по умершему, дается оценка заслуг покойного перед обществом, а с другой – с помощью заклинания закрывается путь души в мир живых.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анохин А.В. Материалы по шаманству у алтайцев. (Собранные во время путешествий по Алтаю в 1910–1912 гг. по поручению Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии). Л.: Изд-во РАН, 1924. 150 с.
2. Алтай фольклор. 2-е издание, дополненное / С.С. Суразаков. Горно-Алтайск: 2015. С. 59–60.
3. Архив МАЭ РАН. Фонд 11, оп. 1. Папка № 60. Л. 33–44. Похоронные песни телеутов.
4. Архив НГК им. Глинки. Зап. Н.М. Кондратьевой, запись № 12.38–217. Плач по умершему ребенку.
5. Архив ИА РА. ФМ № 422 (122). Сыгыт. Зап. и пер. Е. П. Кандаракова в селе Верхний Суранаш Турачакского района от Барбачаковой (Кандараковой) С. К., 1913 года рождения, из рода поктарак, и Барбачаковой (Абашевой) С. К. 1921 года рождения, из рода поктарак.
6. Архив НА НИИА, ФМ № 450, тетрадь 11, стр. 85. Фольклорные материалы, собранные Н.К. Ялатовым, 1927 г.р. из рода майман.
7. Асиновская А.А. Хакасы // Музыкальная культура Сибири. Т. 1. Традиционная музыкальная культура народов Сибири. Кн. Традиционная культура коренных народов Сибири. Новосибирск: Полиграфкомбинат, 1997. С. 317–345.
8. Аязбекова С.Ш. «Музыка=жизнь» и «Тишина=смерть» в тенгрианской философии бессмертия // Cultural and historical development of the society as the dynamic expression of the self-learning human existence. London: JASHE, 2016, pp. 45–48. URL: <http://gisap.eu/ru/node/97692>
9. Борджанова Т.Г. Обрядовая поэзия калмыков (система жанров, поэтика). Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 2007. 586 с.
10. Вербицкий В.И. Алтайские инородцы: сб. этнографических статей и исследований алтайского миссионера, протоиерея В.И. Вербицкого. М. [Б.и.], 1893. 256 с.
11. Герасимова Н.М. Поэтика плача в севернорусских причитаниях // Прагматика текста: фольклор, литература, культура. СПб.: Изд-во РИИИ, Санкт-Петербург. гос. ун-т, 2012. 368 с.
12. Дыренкова Н.П. Пережитки материнского рода у алтайских тюрков // Советская этнография. 1937. № 4. С. 18–45.
13. Дьяконова В.П. Похоронная обрядность. Алтайцы // Семейная обрядность народов Сибири (опыт сравнительного изучения). Л.: Наука, 1980. С. 100–107.
14. Кандаракова Е.П. Обычаи и традиции чалканцев. Горно-Алтайск, 1999. С. 152–162.
15. Клешев В.А. Традиционная похоронная обрядность алтайцев // Этнография Алтая и сопредельных территорий: материалы междунар. науч.-практ. конф. Вып. 6 / под ред. М.А. Демина, Т.К. Щегловой. Барнаул: Изд-во Барнаульского гос. пед. ун-та, 2005. С. 117–119.
16. Мусагажинова А.А. Жоктау в погребально-поминальном обряде казахов павлодарского приртышья Казахи Евразии: история и культура: сб. науч. трудов / [гл. ред. Н.А. Томилов; отв. ред.: Ш.К. Ахметова, А.А. Ильина, И.В. Толпеко]. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та им. Ф.М. Достоевского; Павлодар: Изд-во Павлод. гос. пед. ин-та, 2016. С. 193–197.
17. Наделяев В.М., Насилов Д.М., Тенишев Э.Р., Щербак А.М. Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1979. 676 с.
18. Радлов В.В. Из Сибири. Страницы дневника. М.: Наука, 1989. 749 с.
19. Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка / Сост. Протоиерей В. Вербицкий. Издание Православного Миссионерского общества. Казань: Типография В. М. Ключникова, Большая Проломная улица, 1884; 2-е изд. Горно-Алтайск: Ак-Чечек, 2005. Переизд. 504 с.
20. Тадина Н.А. Живому хорошо гулять, мертвому лежать в камнях (о дуализме традиционного мировоззрения алтайцев) // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Барнаул, 2007. Вып. I. С. 173–181.
21. Тадина Н.А. «Нет железа, которое не сломается, нет живого существа, которое не умрет» (представление о смерти в контексте картины мира алтайцев) // Сибирский сборник – 1: Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий. Книга I / Отв. ред. Л. Р. Павлинская. СПб: Изд-во «МАЭ РАН», 2009. С. 65–72.
22. Тадышева Н.О. Современный похоронно-поминальный обряд тюрков Саяно-Алтая (алтайцев, хакасов и тувинцев): архаические культы и новации // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. Томск, 2017. Вып. 4 (18). С. 103–111.

23. Телеутский фольклор / Сост., вступит. Ст., запись, пер., коммент. Д. А. Функа. М.: Наука, 2004. 183 с.
24. Функ Д.А. Причеть (сыгыт) у бачатских телеутов [Prichet (sykhyt) of the Bachat Teleuts] // Расы и народы. Вып. 28. М.: Наука, 2002. С. 243–269.
25. Шатинова Н.И. Семья у алтайцев. Горно-Алтайск: Изд-во «Горно-Алт. отд. Алт. кн. изд-во», 1981. 182 с.
26. Ядринцев Н.М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. СПб.: Изд-во «И.М. Сибирякова», 1981. 310 с.

Поступила в редакцию 02.10.2019

Ойноткинова Надежда Романовна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора фольклора народов Сибири
ФБГУН Институт филологии СО РАН
630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8
E-mail: sibfolklore@mail.ru

N.R. Oynotkinova

POETICS AND PRAGMATICS OF GENRES OF FUNERAL RITUALS OF THE ALTAIANS

DOI: 10.35634/2412-9534-2019-29-6-1081-1087

The article is devoted to the poetics and pragmatics of the genres sygyt 'lamentations' and kerees sös 'memorable word' in the funeral rites of the Turks of Southern Siberia (Teleuts, Chalkans, Altaians). The material of the study was the texts recorded at the beginning and end of the twentieth century in different dialect groups of Altai people. The posed scientific problem is related to the identification of genres of funeral and memorial rituals of the Altai people, as well as to the study of the conceptual semantics of these texts. The genre sygyt plays an emotionally evaluative function: it is performed to express sorrow, the severity of the loss of a loved one. For cries recorded at the beginning of the twentieth century a developed system of metaphors that perform the functions of imagery and allegory is characteristic. In lamentations, built in the form of a dialogue between the mourner and the deceased, rhetorical questions allow expressing regret, sorrow for those who have gone to another world. The key motives for crying are the road to another world, the irreversibility of life. Another genre, kerees sös, is characterized by an assessment of the human dignity of the deceased, an expression of sympathy for his family. The brief blessing formulas contained in them are pronounced for spell-seeking purposes – to close for the soul of the deceased the road to the world of the living.

Keywords: Altaians, teleuts, poetics and pragmatics of folklore, genre of cry, lamentation, funeral rituals.

REFERENCES

1. Anokhin A.V. Materialy po shamanstvu u altaytsev [Materials on the shamanism of the Altaians]. Leningrad, 1924. 150 p. (In Russian).
2. Altay folklor [Altai folklore] / Surazakov S.S. 2-ye izd. Gorno-Altaysk: 2015, pp. 59–60. (In Altai, published).
3. Arkhiv MAE RAN. Fond 11, op. 1, no 60, p. 33–44. Pokhoronnyye pesni teleutov [Teleut Funeral Songs]. (In Teleut and Russian, unpublished).
4. Arkhiv NGK. Plach po umershemu rebenku [Crying for a dead child]. Rec. N. M. Kondratyeva, zapis', no 12.38–217. (In Chalkan dialect and Russian, unpublished).
5. Arkhiv IA RA. FM no 422 (122). Sygyt [Lamentation]. Rec. and transl. Ye.P. Kandarakova, Verkhniy Suranash Turachakskogo rayona ot Barbachakovoy (Kandarakovoy) S.K., 1913 goda rozhdeniya, iz roda poktarak, i Barbachakovoy (Abashevoy) S.K., 1921 goda rozhdeniya, iz roda poktarak. (In Altai and Russian, unpublished).
6. Arkhiv NA NIIA. FM no 450, tetrad' 11, p. 85. Fol'klornyye materialy, sobrannyye N.K. Yalotovym. (In Altai and Russian, unpublished).
7. Asinovskaya A.A. Khakasy. In: Muzykal'naya kul'tura Sibiri. T. 1. Traditsionnaya muzykal'naya kul'tura narodov Sibiri. Traditsionnaya kul'tura korennykh narodov Sibiri [Musical culture of Siberia. Vol.1. Traditional musical culture of the peoples of Siberia. Prince Traditional culture of indigenous peoples of Siberia]. Novosibirsk: Poligrafkombinat, 1997, pp. 317–345 (In Russian).
8. Ayazbekova S.Sh. «Muzyka-zhizn'» i «Tishina-smert'» v tengrianskoy filosofii bessmertiya. In: Cultural and historical development of the society as the dynamic expression of the self-learning human existence. London: JASHE, 2016, pp. 45–48. URL: <http://gisap.eu/ru/node/97692> (In Russian).
9. Bordzhanova T.G. Obryadovaya poeziya kalmykov (sistema zhanrov, poetika) [Ritual poetry of the Kalmyks (genre system, poetics)]. Elista: Kalmytskoye knizhnoye izd-vo, 2007. 586 p. (In Russian).

10. Gerasimova N.M. Poetika placha v severnorusskikh prichitaniyakh [Poetics crying in the North Russian lamentations]. In: Pragmatika teksta: fol'klor, literatura, kul'tura [Pragmatics of the text: folklore, literature, culture]. SPb.: RIII Publ, Sankt-Peterburg State Un-ty Press, 2012. 368 p. (In Russian).
11. Dyrenkova N.P. Perezhitki materinskogo roda u altayskikh tyurkov [Remnants of the maternal clan in the Altai Turks]. Sovetskaya etnografiya [Soviet ethnography], 1937, no 4, pp. 18–45. (In Russian).
12. D'yakonova V.P. Pokhoronnaya obryadnost'. Altaytsy [Funeral rites. Altaians]. In: Semeynaya obryadnost' narodov Sibiri (opyt sravnitel'nogo izucheniya) [Family rituals of the peoples of Siberia (the experience of comparative study)]. L.: Nauka, 1980, pp. 100–107. (In Russian).
13. Funk D.A. Prichet' (sygyt) u bachatskikh teleutov. In: Rasy i narody [Races and Peoples]. Iss. 28. Moscow: Nauka, 2002, pp. 243–269. (In Russian).
14. Kandarakova Ye.P. Obychai i traditsii chalkantsev [The customs and traditions of Chalkans]. Gorno-Altaysk, 1999, pp. 152–162 (In Russian).
15. Kleshev V.A. Traditsionnaya pokhoronnaya obryadnost' altaytsev [The traditional funeral rites of the Altaians]. In: Etnografiya Altaya i sopredel'nykh territoriy: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Vyp. 6 / Ed. M.A. Demina, T.K. Shcheglovoy [Ethnography of Altai and adjacent territories: materials of the Intern. scientific-practical conf. Issue 6 / Ed. M.A. Demina, T.K. Pintops]. Barnaul: Barnaul State ped. Un-ty Press., 2005, pp. 117–119. (In Russian).
16. Musagazhinova A.A. Zhoktau v pogrebal'no-pominal'nom obryade kazakhov pavlodarskogo priirtysh'ya [[Zhotau in the funeral and memorial ceremony of the Kazakhs of Pavlodar deserts]. In: Kazakhi Yevrazii: istoriya i kul'tura [Kazakhs of Eurasia: history and culture] / Ed. N.A. Tomilov; otv. red.: Sh.K. Akhmetova, A.A. Il'ina, I.V. Tolpeko]. Omsk: Omsk st. Un-ty Press., Pavlodar: Pavlod. St. ped. In-t Press, 2016, pp. 193–197. (In Russian).
17. Nadelyaev V.M., Nasilov D.M., Tenishev E.R., Shcherbak A.M. Drevnet'urkskiy slovar' [Ancient Turkic dictionary]. Leningrad: Nauka, 1979. 676 p. (In Russian).
18. Radlov V.V. Iz Sibiri. Stranitsy dnevnika [From Siberia. Diary pages]. Moscow: Nauka, 1989. 749 p.
19. Shatinova N.I. Sem'ya u altaytsev [The Altaians have a family]. Gorno-Altaysk: Gorno-Alt. otd. Alt. kn. izd-vo, 1981. 182 p. (In Russian).
20. Slovar' altayskogo i aladagskogo narechiy tyurkskogo yazyka [Glossary of the Altai and Aladagan dialects of the Turkic language] / Sost. Protoiyerey V. Verbitskiy. Izdaniye Pravoslavnogo Missionerskogo obshchestva. Kazan': Tipografiya V.M. Klyuchnikova, Bol'shaya Prolomnaya ulitsa, 1884; 2-ye izd. Gorno-Altaysk: Ak-Chechek, 2005. 504 p. (In Russian).
21. Tadina N.A. «Net zheleza, kotoroye ne slomayetsya, net zhivogo sushchestva, kotoroye ne umret» (predstavleniye o smerti v kontekste kartiny mira altaytsev) [“There is no iron that will not break, there is no living being that will not die” (the idea of death in the context of the Altai world picture)]. In: Sibirskiy sbornik – 1: Pogrebal'nyy obryad narodov Sibiri i sopredel'nykh territoriy. Kniga I [Siberian collection – 1: Funeral rite of the peoples of Siberia and adjacent territories. Book I] / Ed. L.R. Pavlinskaya. SPb: MAE RAN Publ, 2009, pp. 65–72. (In Russian).
22. Tadina N.A. Zhivomu khorosho gulyat', mertvomu lezhat' v kamnyakh (o dualizme traditsionnogo mirovozzreniya altaytsev) [It is good for the living to walk, to the dead to lie in the stones (about the dualism of the traditional Altaians' worldview)]. In: Mirovozzreniye naseleniya Yuzhnoy Sibiri i Tsentral'noy Azii v istoricheskoy retrospektive [Worldview of the population of Southern Siberia and Central Asia in historical retrospect. Iss. I]. Barnaul, 2007, pp. 173–181 (In Russian).
23. Tadysheva N.O. Sovremennyy pokhoronno-pominal'nyy obryad tyurkov Sayano-Altaya (altaytsev, khakasov i tuvintsev): arkhaischeskiye kul'ty i novatsii [Modern funeral and memorial rites of the Sayano-Altai Turks (Altaians, Khakas and Tuvans): archaic cults and innovations]. Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy [Tomsk Journal of Linguistic and Anthropological Studies]. Tomsk, 2017. Iss. 4 (18), pp. 103–111. (In Russian).
24. Teleutskiy fol'klor [Teleut folklore] / Sost., vstupit. St., zapis', per., komment. D.A. Funk. Moscow: Nauka, 2004. 183 p. (In Russian).
25. Verbitskiy V.I. Altayskiye inorodtsy: sb. etnograficheskikh statey i issledovaniy altayskogo missionera, protoiyereya V.I. Verbitskogo [Altai aliens: Sat. ethnographic articles and studies of the Altai missionary, Archpriest V.I. Verbitsky]. M. [B.i.], 1893. 256 p. (In Russian).
26. Yadrintsev N.M. Sibirskiy inorodtsy, ikh byt i sovremennoye polozheniye [Siberian aliens, their life and current situation]. SPb.: I.M. Sibiryakova Publ., 1981. 310 p. (In Russian).

Received 02.10.2019

Oynotkinova N.R., Doctor of Philology, Leading Research Fellow at Department of Folklore
Institute of Philology of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Nikolaeva st., 8, Novosibirsk, Russia, 630090
E-mail: sibfolklore@mail.ru